

*ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ: ПОПЫТКА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ***АПОЛЛОНОВ И.А., ТУЧИНА О.Р.**

*Кубанский государственный технологический университет,
г. Краснодар, ул. Московская, д. 2, корп. А, e-mail: tuchena@yandex.ru*

В статье изложены результаты анализа различных подходов к исследованию феномена исторического опыта в современной зарубежной и отечественной науке, а также предпринята попытка концептуализации феномена исторического опыта. Концепт «исторический опыт» проанализирован в сопоставлении с понятиями «историческая память», «историческое сознание», «экзистенциальный опыт».

Авторы предлагают рассматривать проблему исторического опыта в контексте исследования самопонимания личности как одну из бытийных основ этнокультурного, национального и гражданского аспектов личностной идентичности. Феномен исторического опыта предлагается изучать в контексте самопонимания личности, рассматриваемого как интерпретация своего личностного опыта в контексте исторического опыта группы. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что феномен исторического опыта рассматривается в контексте экзистенциального опыта личности.

В статье изложены и проанализированы результаты эмпирического исследования представлений о Великой Отечественной войне студентами вузов Кубани, целью которого стало выявление репрезентации исторического опыта Великой отечественной войны в сознании молодежи. Анализ полученных результатов исследования позволил авторам утверждать, что Великая Отечественная война для современной молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором личностного и национального самоопределения.

Ключевые слова: Исторический опыт; историческая память; экзистенциальный опыт личности; личностная идентичность.

Исследование феномена исторического опыта является общегуманитарной проблемой, рассматриваемой на пересечении философии, психологии, социологии, что определяется многогранностью исторического опыта как социокультурного явления. Современные исследователи рассматривают исторический опыт в различных аспектах: в социологическом плане - как необходимый комплекс факторов (навыки, традиции и т.п.) в жизнедеятельности социума; при гносеологическом подходе - как определенный вид отражения, мера познания социально-исторической действительности. В отечественной философской и методологической литературе в последние годы появился целый ряд научных работ, посвященных

анализу содержания категории «исторический опыт» (труды Г.А. Антипова, Н.В. Буянова, Н.М. Есипчука, Б.И. Коваль, В.Г. Панова, А.И. Уварова, и др.).

Одни исследователи полагают, что исторический опыт есть мыслительный итог, «кристаллизованная» форма обобщения практики (В.В. Иванов), что он выражает логику исторического процесса, являя собой синтез тех закономерностей и необходимых тенденций, которые оказываются за фактической, событийной оболочкой реальности (Н.В. Буянова). Другие придерживаются мнения, что исторический опыт – это не только знания о законах и закономерностях, свойственных историческому процессу, но и знания об оптимальности различных форм и методов решения определенных социальных задач (Г.А. Антипов). Третьи считают, что исторический опыт представляет собой меру познания и практического использования объективных законов (В.Г. Панов), является посредником между теорией и практикой, отражает всеобщие связи и события на уровне явлений и логически, а также исторически предшествует теоретическому познанию и его результату – теории (В. Лобода). Многие исследователи утверждают, что исторический опыт функционирует в форме навыков, традиций, как арсенал аккумулированных способностей к последующему эффективному действию (В.П. Иванов), как специфическая предметно-чувственная деятельность, в которой наблюдается повторяемость или определенная закономерность (Л.Г. Николаенко). Тихонов В.А. утверждает, что историческое знание выступает в функциональном плане именно как исторический опыт и выполняет тем самым функцию социальной памяти, а роль исторического опыта тесно связана с условиями и спецификой жизнедеятельности определенной социальной группы.

В последнее время в философии наметилось направление исследования исторического опыта в связи с проблемой глобализации и глобальной культуры, где рассматривается значимость ценностного исторического опыта для личностной и социальной идентификации человека, поскольку «где действует глобальная культура, не принимаются в расчет именно *личностные*

характеристики истории существования – именно неучтенность этих факторов истории заставляет их впоследствии проявляться путем деструктивных действий» (М.В.Бахтин).

В нашем исследовании феномен исторического опыта предлагается рассматривать в качестве непосредственного переживания человеком, как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем (Ф.Р. Анкерсмит). Рассмотрение исторического опыта как одной из бытийных основ этнокультурного, национального и гражданского аспектов личностной идентичности опирается на экзистенциально-герменевтический подход к феномену историчности (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер, К.-О. Апель, М.К. Мамардашвили, Э.Ю. Соловьев и др.).

Подобное понимание исторического опыта прослеживается в гораздо более разработанном в различных науках концепте «историческая память». В российском социально-гуманитарном знании идут оживленные дискуссии вокруг концептов «историческое сознание», «историческая память», «историческое знание», «исторический опыт» и т.д. Не смотря на различие в интерпретации этих понятий в разных теориях и областях гуманитарного знания, их объединяет то, что «все эти концепты ... ориентированы на осмысление надындивидуального измерения памяти» [8]. Взгляды на соотношение исторического сознания и исторической памяти противоречивы: в некоторых трудах они рассматриваются как синонимы, однако, чаще они разводятся как форма, в которой социум осознает свое прошлое сквозь призму современности и содержание, т.е. представления о прошлом [8]. Историческое сознание включает память как «стихийный» феномен и одновременно научно-историографические представления о прошлом, а также предполагает наличие элементов рефлексии относительно собственных представлений о прошлом. Историческое сознание также предполагает наличие, по меньшей мере, элементов рефлексии относительно собственных представлений о прошлом [7]. При этом историческое сознание охватывает не только опыт прошлого, а выступает как фундаментальная мировоззренческая характеристика культуры

любой эпохи и обеспечивает историческую устойчивость носителя этой культуры.

Несмотря на активные исследования феномена исторической памяти в современных гуманитарных науках, практически неизученным остается вопрос о функционировании исторической памяти на уровне индивидуального сознания. Как известно, один из основателей данного направления М. Хальбвакс рассматривал историческую память в двух ее проявлениях – коллективная и личная (индивидуальная) память [11]. М. Хальбвакс переносит рассмотрение феномена памяти в окружающий индивида социальный контекст: с одной стороны, воспоминания человека вписываются в рамки его личной жизни, с другой – он способен вести себя как член группы, вызывая в памяти воспоминания, затрагивающие его группу. Эти две памяти часто проникают друг в друга, но не смешиваются, поскольку развиваются по собственным законам. Индивидуальная может опереться на коллективную, когда необходимо уточнить какое-либо воспоминание. Если индивидуальные воспоминания попадают в коллективную память, они меняются и уже не являются сознанием личности.

В социологии историческую память обычно исследуют с помощью опросов о значимых событиях в истории страны, мира (А. И. Афанасьева, В. И. Меркушин, Ж. Т. Тощенко, В. Э. Бойков и другие), которые выступают как знаковые и дают ощущение целостности («мы это пережили»), что, в свою очередь, служит основой для социальной, культурной и этнической идентичности личности (Л. П. Репина, М. В. Соколова, М. Росс).

Среди исследований исторической памяти можно выделить работы, в которых индивидуальный исторический опыт анализируется в рамках автобиографической памяти (Р. Браун, Дж. Кулик, У. Найссер, М. Линтон). В отечественной психологии В. В. Нуркова в рамках исследования феномена исторической памяти рассматривает и эмпирически исследует функционирование исторического опыта в обыденной психической жизни людей [5]. По мнению исследователя, историческое знание оказывает влияние

на «жизненный мир человека» (С.Л.Рубинштейн), когда преобразуется в личностный опыт субъекта и приобретает статус автобиографического факта. Субъект может находиться в следующих психологических позициях относительно исторического события: участник, очевидец, современник, наследник. Именно последняя позиция, в которой субъект является реципиентом исторических артефактов и нарратива, заставляющих переживать события прошлого, чувствовать свою сопричастность к ним и является объектом нашего исследования. Если автобиографическая память обеспечивает, прежде всего, персональную идентичность личности, то историческая – социальную, культурно-историческую, этническую, при этом оба вида памяти субъективны и мифологичны.

В историко-психологическом направлении рассматривается историческая чувствительность личности, законы исторической индивидуализации (Е. Ю. Боброва), а также личность в культурном макровремени (В. А. Шкуратов). В отечественных исследованиях выявлено, что историческая память во многом зависит от средств массовой информации и политик меморизации (Е. Ю. Мещеркина, В. А. Соснин) и определяется исторической социализацией личности (Е. Ю. Боброва, В. А. Шкуратов) [12].

И.А. Трегубенко, рассматривая феномен исторической памяти в субъективной картине жизненного пути личности, определяет его как личностное образование, включающее исторические воспоминания, личностно значимые исторические события и целостный образ истории. Как показали эмпирические исследования автора, историческая память взаимосвязана с субъективным восприятием наполненности, осмысленности жизни, а также с жизненными ориентациями личности [10].

В нашем исследовании в качестве основного мы предлагаем концепт «исторический опыт», рассматриваемый как непосредственное переживание человеком как исторического события, так и исторической дистанции между прошлым и нынешним временем (Ф.Р. Анкерсмит). Основа подобного опыта – эмоциональное переживание отчуждения от чего-то жизненно важного, чувство

ностальгии по ушедшей подлинности в контексте неопределенного и неподлинного настоящего [1]. Подобный опыт позволяет увидеть и выявить то существенное в себе, что определяет собственную самоидентичность: ведь обращаясь к значительности событий прошлого, которые сплошь и рядом превосходят наши собственные, мы становимся гораздо более современными людьми, чем были до обращения к прошлому [9, с. 14]. Эта особенность исторического опыта соединяет линейность истории как движение от прошлого к будущему, при котором прошлое – это то, чего уже нет, и, вместе с тем, ее цикличность, как вечное возвращение того, что определяет человеческое в человеке и обществе.

В данном контексте представляется актуальным исследование процедур личностного осмысления исторического опыта, поскольку феномен исторического опыта, сопряженный с процедурами самопонимания раскрывается как интерпретация своего личностного опыта в контексте исторического опыта группы [2]. Новизна предлагаемого подхода состоит в том, что феномен исторического опыта рассматривается в контексте экзистенциального опыта личности.

Экзистенциальный опыт определяется не просто как совокупность переживаний, но их особая целостность, продукт обработки, которые каждый раз приводят к новому рубежу личностной зрелости и связанному с нею принятию сложностей судьбы [4]. Экзистенциальный опыт проходит различные ступени и формируется как на уровне бытийствования, повседневности, живого опыта, так и на уровне ситуаций культуры (под влиянием, например, конкретных произведений или исторических событий), где в очищенном, артикулированном виде дан смысл реальных жизненных событий и переживаний. Структуру экзистенциального опыта исследователи рассматривают не столько как горизонтальное сопряжение его элементов, но как проекцию в будущее и прошлое. Анализируя особенности экзистенциального опыта, В.В. Знаков утверждает, что тот состоит из опыта не только своего, но и чужого, а также включает в себя не только отражение и

порождение социокультурных ситуаций, но и проживание субъекта в них [3]. Поскольку феномен исторического опыта, сопряженный с процедурами самопонимания, раскрывается как интерпретация своего личного опыта через опыт группы, нам представляется перспективным рассмотрение феномена исторического опыта в контексте экзистенциального опыта, что выводит исследование исторической памяти группы на собственно психологический уровень.

Особое место здесь занимают знаковые события истории, после которых ничего уже не может быть прежним. К таким событиям, безусловно, относится Великая Отечественная война, трагические и героические события которой коснулись каждой семьи, что определяет значимое место этого события в формировании представлений о национальной идентичности молодежи Кубани.

В рамках проекта РГНФ было проведено исследования представлений о ВОВ студентами вузов Кубани. Целью эмпирического исследования стало выявление репрезентации исторического опыта Великой отечественной войны в сознании молодежи. В исследовании приняли участие 158 респондентов 18-22 лет (средний возраст 18,9 лет), 99 девушек и 59 юношей. Исследование проводилось методом интервью с использованием авторского опросника.

Прежде всего, мы постарались выявить, какие события в истории своей страны респонденты считают наиболее значимыми. Результаты проведенного исследования показали, что 91,8 % опрошенных относят ВОВ к наиболее значимым событиям в истории страны. При этом 61,4 % респондентов считают ВОВ главным событием отечественной истории. Таким образом, можно утверждать, что именно события Великой Отечественной войны определяют историческое измерение национальной идентичности молодёжи.

Следующим шагом стало выявление личностной значимости Великой Отечественной войны для исследуемой группы респондентов. Контент-анализ ответов респондентов на вопрос: «Что лично для меня значит Великая Отечественная война?» позволил выделить две основных категории ответов.

Первую категорию, составившую 85,2 % ответов опрошенных, представляют собой смысловые единицы, характеризующие личностное, участное отношение к этому событию, непосредственное переживание как войны, так и исторической дистанции с ней.

В данной категории ответов можно выделить ряд смысловых единиц. Во-первых, в этих ответах прослеживается мощная эмоциональная реакция от ощущения собственной причастности к народу, пережившему войну. Она выражается в чувствах гордости за наших людей и нашу державу (27,6 % ответов), переживание ощущения мощи и величия страны (3,7 %), чувство ненависти к врагам и предателям Родины (1,5 %), переживание радости победы (2,8 %), скорбь о павших во время Великой Отечественной войны (11,3 %): «Я чувствую скорбь о погибших во время войны людях, и в то же время – гордость за совершенные ими подвиги, за великую победу!»; «Я горжусь тем, что мы победили, что в других странах мы считаемся сильными, волевыми людьми, которые будут до конца сражаться и победят».

Во-вторых, подобная эмоциональная реакция имеет не только общенациональный, но и конкретно человеческий масштаб: сопереживание страданиям конкретных людей (9,4 %). Причём такой масштаб обычно «примеряется» к судьбе своей семьи и, как следствие, собственной судьбе: переживание, того, что конкретного человека и его семьи могло и не быть (2,8 %); отношение к войне через историю семьи (3,7 %): «В этой войне участвовали мои прадедушки и прабабушка, они сражались за мое будущее, за будущее моей страны и моих детей». С этим масштабом исторического опыта связано проецирование событий войны на свою жизнь и своё будущее. Сюда можно отнести страх, что война может повториться (5 %).

В-третьих, можно отметить тенденцию к рассмотрению событий войны в контексте её последствий для страны и мира, её исторического значения: осмысление Великой Отечественной войны как причины свободы и независимости страны, народа и себя (6,3 %), осмысление ВОВ как причины рождения сверхдержавы и народа с великим будущим (3,7 %): «После ВОВ

Россию начали уважать»; «Благодаря победе наших солдат мы сейчас живем в свободном государстве», «Это было сражение за свободу и лучшую жизнь России».

В-четвёртых, в ответах респондентов присутствует не только эмоциональная, но и деятельностная составляющая исторического опыта. Сюда можно отнести уважение к участникам войны (2,2 %), благодарность ветеранам (6,6 %), необходимость сохранять память о войне (1,8 %), чувство стыда, что мало знаем об этом (0,3 %), а также вызванное впечатлением о событиях Великой Отечественной войны, подвигах её героев желание быть патриотами Родины (4 %): «Наши мужчины должны быть такими же сильными духом, как наши отцы и деды».

Вторая категория ответов, составившая 14,8 % ответов, представляет смысловые единицы, характеризующие внеличностное, объектное отношение к Великой Отечественной войне как историческому событию в ряду других событий. В этой категории ответов респонденты пытаются занять позицию внеположенного наблюдателя, сохранить дистанцию от участников тех событий и с этой позиции оценить сущность и значение Великой Отечественной войны. В таких ответах война рассматривается как раздел истории (1,2 %), грандиозное историческое событие (0,3 %). Сюда можно отнести и оценку войны с точки зрения геополитики: как причина мирного сосуществования в послевоенном мире (0,9 %). Вместе с тем, к данной категории мы отнесли и ответы, характеризующие отношение к Великой Отечественной войне с точки зрения общечеловеческих ценностей: война как великая трагедия (2,8 %), как пример человеческой жестокости (2,5 %), как пример отваги и силы духа (5,3 %), а также осуждение сил, спровоцировавших войну (1,8 %): «Лично для меня война - это бессмыслица. Всегда можно любые вопросы уладить миром. От того, что политики что-то не поделили, страдают люди».

Таким образом, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что Великая Отечественная война для современной

молодежи является не только объектом исторической памяти, но и значимым фактором личностного и национального самоопределения.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 14-13-23009 а(р) «Исторический опыт в контексте самопонимания российской идентичности (на примере исследования представлений молодежи Кубани о Великой Отечественной войне)»

ЛИТЕРАТУРА

1. Анкерсмит Ф. Возвышенный исторический опыт. М.: Изд-во «Европа», 2007. – 612 с.
2. Аполлонов И.А. Проблема исторического опыта в контексте самопонимания национальной идентичности. // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: материалы Всероссийской научно-просветительской конференции 5 – 9 октября 2012. Краснодар, Традиция, 2012. – С. 22 – 25.
3. Знаков В.В. Непостижимое и таинственное в экзистенциальном опыте субъекта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 394-398
4. Касавина Н.А. «Собирание» экзистенциального опыта // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. С. 401-405
5. Нуркова В.В. Роль автобиографической памяти в структуре идентичности личности // Мир психологии. 2004. №2. С. 77–87.
6. Омельченко Е. Л., Сабирова Г. А. Изучение массового исторического сознания в постсоветской России: обзор подходов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.politmemo.ru/filemanager/download/92> (дата обращения: 15.07.2012)
7. Путилова Е.Г. Историческое сознание и историческая память: соотношение понятий на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение.

Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 10 (24): в 2-х ч. Ч. II. С. 143-145

8. Репина Л.П. Феномен памяти в современном гуманитарном измерении // Ученые записки Казанского университета. 2011. Т. 153, кн. 3. С. 193-201

9. Соловьёв Э.Ю. Прошлое толкует нас (Очерки по истории философии и культуры). М.: Политиздат, 1991. – 432 с.

10. Трегубенко И.А. Историческая память и субъективная картина жизненного пути личности // Научные труды (Институт имени И.Е. Репина). Вып. 23. 2012. С. 105–126.

11. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3.

12. Шкуратов В.А. Историческая психология. М. Смысл. 1997. – 505 с.

REFERENCES

1. Ankersmit F. Vozvvyshennyj istoricheskij opyt. (Sublime historical experience) М.: «Европа», 2007.

2. Apollonov I.A. Lichnost'. Obshhestvo. Gosudarstvo. (The personality. Society. State.). Krasnodar, Tradicija, 2012. P. 22 – 25.

3. Znakov V.V. Chelovek, subekt, lichnost' v sovremennoj psihologii. (Man, the subject, the personality in modern psychology). М.: «Institut psihologii RAN», 2013 P. 394-398.

4. Kasavina N.A. Chelovek, subekt, lichnost' v sovremennoj psihologii. (Man, the subject, the personality in modern psychology). М.: «Institut psihologii RAN», 2013. P. 401-405.

5. Nurkova V.V. Mir psihologii (The world of psychology). 2004. №2. P. 77–87.

6. Omel'chenko E. L., Sabirova G. A. URL: <http://www.politmemo.ru/filemanager/download/92>.

7. Putilova E.G. Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i juridicheskie nauki, kul'turologija i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. (Historical, philosophical, political and legal science, culture and art studies. Questions of theory and practice). Tambov: Gramota, 2012. № 10 (24). P. 143-145

8. Repina L.P. Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta (Scientific notes of Kazan University) 2011. V. 153, № 3. P. 193-201.
9. Solov'jov Je.Ju. Proshloe tolkuet nas. (Past interprets us). M.: Politizdat. 1991. – 432 p.
10. Tregubenko I.A. Nauchnye trudy (Institut imeni I.E. Repina). (Research works (Institute named after I.E. Repin)). 2012.V. 23. P. 105–126.
11. Hal'bvaks M. Neprikosnovennyj zapas Hal'bvaks M. Neprikosnovennyj zapas (Emergency ration). 2005. № 2-3.
12. Shkuratov V.A. Istoricheskaja psihologija. (Historical psychology). M. Smysl. 1997. – 505 p.

HISTORICAL EXPERIENCE : ATTEMPTS TO CONCEPTUALIZE

APOLLONOV I.A. TUCHINA O.R.

Kuban state technological university, 2, Moscovskaya Street, Krasnodar, 350072, e-mail:

obligo@yandex.ru; tuchena@yandex.ru

The article presents the results of analysis of the various approaches to the study of the phenomenon of historical experience in modern foreign and domestic science, as well as an attempt to conceptualization of the phenomenon of historical experience. The concept of "historical experience" is analyzed in relation to the concepts of "historical memory", "historical consciousness", "existential experience".

The authors suggest to consider the problem of the historical experience of self-understanding in the context of the study of personality as one of the existential foundations of ethno-cultural, national and civil aspects of personal identity. The phenomenon of historical experience encouraged to consider in the context of self-understanding of personality, considered as an interpretation of his personal experience in the context of the historical experience of the group. The novelty of the proposed approach is that the historical experience of the phenomenon is discussed in the context of the existential experience of the individual.

The article describes and analyzes the results of an empirical study of representations of the Great Patriotic War Kuban university students, the purpose of which was to identify the representation of the historical experience of the Great Patriotic War in the minds of youth. Analysis of the results of the study allowed the authors to argue that the Great Patriotic War for the youth of today is not only the object of historical memory, but also a significant factor in personal and national self-determination.

Key words: historical experience; historical memory; existential experience of the individual; personal identity.